

Виталий Треков

Убить волка

Виталий Греков

УБИТЬ ВОЛКА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21432480

ISBN 9785448324260

Аннотация

Небольшая деревушка с радушными людьми, которые привыкли жить разными избами, но большой семьей. Есть и другие, кто не считает деревню родным домом, потому что рождены в нашем мире. Особо пытливые хотят выведать ответы у старца, странного отшельника. Хоть старик многое может рассказать, делиться знанием не спешит. Человеческая жизнь очень хрупкая субстанция, что говорить о человеческой душе.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. В путь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Убить волка

Виталий Греков

*Тот волен выбирать любой путь,
кому нечего терять в случае неверного выбора.
Стоит ли платить эту цену ради чувства
свободы?*

Любимой посвящается.

© Виталий Греков, 2016

ISBN 978-5-4483-2426-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Снег падал огромными хлопьями, которые кружась в воздухе, плавно опускались на землю. Чистая, яркая белизна слепила глаза. Человек поднял голову в тщетной попытке увидеть кусочек неба. Сверху – медленный танец снежинок, внизу – неподвижное белое покрывало. Потеряв счет времени и не ориентируясь в пространстве, человек отчетливо помнил конечную цель, вынуждавшую двигаться дальше. Груз ответственности не столько давил на плечи, сколько толкал в спину. Главное успеть. Он обязан найти Его; вопрос «как?» потерял смысл. Не надеется, потому что в такой ситуации надежда глупа, но верит, потому что вера – последняя надежда. Последний шанс, последний путь. Нога в очередной раз с легкостью провалилась в мягкую вату пока другая с трудом выбиралась из снежного капкана.

Домик на отшибе

«Ку-ку», - кукукнуло рядом.

«Ку-ку», - прозвучало через пару секунд.

Тонкое шерстяное одеяло и то, что было под ним, зашевелились. Из-под верхнего угла вылезла ручища, наискось с другого края – мощная, сплошь в курчавых волосах нога. На полу кто-то смачно, по-богатырски потянулся.

«КУКА-РЕЕЕ-КУУУ, БЛИН!!!!!»

Одеяло откинулось, с пола поднялось туловище килограммов под сто. Проморгавшись и придя в себя туловище подошло к зеркалу. В зеркале отражалась ужасная рожа. Даже не рожа, а кое-что пострашнее. «Даже не рожа» с удивлением пялилась на хозяина.

– Ну и сволочь же ты, – хмуро произнес человек, глядя на отражение.

– Почему нажрался ты, а сволочь я? – возмутилось зеркало писклявым голосом.

– Потому что любой единожды разбудивший спящего морально подготовил себя на любое подлое коварство в будущем, – мужчина медленно проговаривал слова, разминая лицо руками. Нахмурился, не понимая причины молчания. Узнай он ее – удивился бы еще больше.

Зеркало элементарно не знало, что сказать. Первый раз за всю его долгую, полную забавных приключений и неоднозначных событий жизнь, оно не могло найти слов, подходящих для вразумительного, а главное достойного ответа. Особенно оскорбительной казалась ситуация из-за того, что фразу, заставившую замолчать в поисках подходящего ответа, произнес малограмотный мужик. С отчетливыми признаками вчерашних возлияний, а нынче жуткого похмелья.

– Сильно перебрал вчера?

Вопрос получился неоднозначным. При всем желании в голосе вопрошаемого невозможно было найти ни искрен-

него любопытства, ни тем более сочувствия. Сбор информации для анализа и построения будущих линий диалога, ни больше, ни меньше.

– Да пошел ты, – хмуро отмахнулся мужик.

Это было то, в чем откровенно нуждалась отражающая фиговина, чтобы прийти в себя и вернуть былую решимость. Всего одна нужная фраза и все готово для привычной утренней перепалки. Одна фраза, а ты гляди какой результат! Фу-ух, аж гора с плеч!

– Нет, я этого больше не вынесу, – зеркало затараторило, наращивая темп. – Что я от тебя слышу? Ты же слова доброго не скажешь! Не, ну как можно? Что за сосед попался. Ты на себя в зеркало-то смотрел? Блин, что я говорю. Ты себя со стороны видел? Ты мылся, когда в последний раз?

Мужчина поднес к зеркалу здоровенный кулак и напряг мышцы. Сегодня игра шла не по правилам.

– Все молчу, молчу. Вот так всегда, и слова не скажи, – тихонько забубнило зеркало.

Мужчина почесал голову, потом не менее волосатую грудь. Спросил хриплым со сна голосом, осматривая себя со всех сторон:

– Слушай, я правда хреново выгляжу или ты как всегда преувеличиваешь?

– Могу так показать, – в зеркале появился молодой Аллен Делон.

– Кто это?

– Идеал мужской красоты двадцатого века.

– Кончай острить говорящая мебель. Ответь серьезно!

– И честно?

– Честно!

– Хреновато. Может даже хреново. Хотя-я... Я бы сказал совсем хреново. Короче, хуже не бывает.

– Да пошел ты.

В таком состоянии мозг отказывался придумывать новое, автоматом выдавая универсальные и емкие заготовки. Похоже последние ресурсы ушли на фразу о побудке спящего. Зеркало не стало отвечать: диалоги из разряда «дурак – сам дурак» на сегодня отменяются по уважительным причинам.

Еле передвигая ноги и позевывая на ходу мужчина вышел из комнаты. До дверного проема добирался походкой а-ля «хромоногий лунатик». Привалился лбом к холодной железной петле, несколько раз тяжело вздохнул, собираясь с духом. Дверь противно скрипнула. Мужчина стоял на пороге, и, прищурившись одним глазом, смотрел на солнце. Улыбается... падла! Человек улыбнулся в ответ. Из глотки вырвался оглушительный рык; мужик, несмотря на свою комплекцию, возраст и критическое состояние организма, резво припустил в сторону реки. Обрато вернулся через полчаса. С мокрыми волосами и трусами, если не помолодевший, то однозначно посвежевший. По крайней мере, зеркало заметило разницу.

– Ну, вот другое дело. Хотя бы на человека стал похож.

А то тебя из-за шерстистости и могучих габаритов издалека можно принять за йети умеренных широт.

– Пойду поохочусь что ли. Скоро буду.

Мужчина натянул штаны, подхватил что-то со спинки стула. Это что-то (смахивало на латаный-перелатанный овчинный тулуп) носилось круглый год не снимая, спасая от холода зимой и расстегиваясь летом. Накинул на плечо лук, кожаный колчан с самодельными стрелами и вышел из избушки.

Вернулся через пару часов с тушками птиц, которые по виду напоминали помесь тетерева и глухарихи. Или глухаря и тетеревихи. Впрочем, человек не собирался вникать в генную мутацию местного зверья. Он давно разобрался на каких животных можно охотиться, а каких лучше не трогать.

Мужчина развел во дворе костер, поставил на огонь вертел. Запахло жареным мясом – немного терпения и сытный, мужской завтрак будет готов.

Мужик расправился с едой намного быстрее, чем ее готовил; прошло несколько минут —от птиц остались только плохо обгрызенные кости. Смачно отрыгнув и крякнув от удовольствия, мужчина засунул палец в рот, вытаскивая ногтем, застрявший в зубах кусок. Затем туда же отправился палец второй руки, а через секунду раздался оглушительный свист. Звук пронесся над полем, помчался к лесу, отголоском вернулся назад. Через минуту во двор примчалось

огромное животное, которое на поверку оказалось обычной собакой, не совсем обычного для собак размера. Язык псины свисал до земли, шерсть спуталась в неряшливые колтуны. Пес запыхался, быстро прибежал, хоть издалека.

– Держи Аскольд, полакомись. Жареное, небось, вкуснее сырого, да? Ну, ешь, не стесняйся. Ешь, говорю, я сыт.

Услышав последние слова, пес посмотрел на человека и подошел к «столу». С удовольствием наблюдая за работой мощных челюстей, мужчина невольно улыбнулся. Чтобы не отвлекать развернулся и зашел в дом.

Когда он вернулся во двор возле костра валялись начисто обглоданные кости. Мужчина снова улыбнулся, кажется уже в третий раз за утро. Ведь он знал: стоит свистнуть или мысленно позвать пса – он обязательно прибежит опять. Как бы далеко не находился и какими бы важными собачьими делами не был занят. Приятно когда знаешь, что есть кто-то, кто обязательно придет, стоит только позвать. Не так ли?

Спортзал

– Восемьдесят семь, восемьдесят восемь, восемьдесят девять, девяносто! Ты сегодня бьешь все рекорды!

Тренер довольно улыбнулся. Похожая улыбка появилась на лице парня, только что поднявшегося с пола. Видно было, что он устал – потный лоб, частое дыхание. При всем при этом выглядел спортсмен энергично и бодро.

– Всё благодаря вам, Константин Михайлович. Если бы не вы...

– Ты заканчивай любезничать, е-мое. Знаешь же, что я не люблю сюсюканий. Иди поработай с грушей и на сегодня хватит.

Тренер отошел на несколько метров, затем вернулся и прищурившись, внимательно посмотрел в блестящие задором и энергией глаза.

– Молодец. Молодец, Паша.

Взгляд тренера переполняла гордость, которая усилила похвалу простых слов, заставив парня разом смутиться и задуматься.

Павел быстро моргнул пару раз, собираясь ответить. Видимо надолго задумался. Повертел головой – так и есть, один в пустом спортзале. Парень постоял еще пару минут, разгоняя остатки сумбурных мыслей, потом решительно подошел к груше. Еще около часа в помещении раздавались звуки глухих, мощных ударов.

Уже темнело, когда Паша открыл дверь и вышел на улицу. Надвинув шапку до бровей, невольно повел плечами из-за резкого порыва ветра. Застегнул молнию куртки и, чуть опустив голову вниз, привычно зашагал в сторону метро. Задумавшись, не заметил, как темнота вокруг сгустилась, превратившись в несколько человеческих силуэтов.

– О-па! Пацан, дай сигаретку!

Трое. Наглые физиономии, пухлые куртки на щуплых

плечах.

– Я не курю, – медленно ответил Павел, спокойно посмотрев в мутные глаза. Шагнул вперед, собираясь пройти мимо, но остальные заступили дорогу.

– Оп-па, пацан не курит! Значит, деньги есть?!

Спрашивающий явно числился за главного. Рыжие, короткие волосы, немного скованная, но уверенная поза. Цепкий, бегающий взгляд выражал непонятно чем мотивированное презрение. Стоял и нагло улыбался, периодически поглядывая то на «жертву», то на своих дружков.

Паша понял – не пропустят. Попробовал отшутиться:

– Откуда деньги у бедного студента?

– Ты, бля, не умничай! Гони столыжник и вали по-хорошему!

Наверное, зря он так сказал. Обычно спокойный, временами даже невозмутимый, Павел почувствовал, как разум наполняют малознакомые, но сильные эмоции.

– А если не по-хорошему?

– Тогда будет по-плохому! На, сука!

Вместе со словами рыжий резко замахнулся и ударил воздух. Опешив от неожиданности, благодаря законам физики и скользким подошвам чуть не упал, в последний момент чудом вернув телу равновесие. Павел стоял на месте. Увернуться от любительского правого – не смешите. Короткое движение ногой и рыжий запросто мог сломать нос при падении, в лучшем случае – распластаться лепешкой на земле.

– Еще раз попробуешь? — вытащил руки из карманов.

– Ну ты охренел, бля!

Казалось рыжий сам охренел от наглого поведения парня и еще больше от подобного отношения к себе. Чуть скосил глаза назад (на всякий случай) и, чувствуя «теплую поддержку товарищей по команде» (если что оттащат, если устанет – допинают), резко выкинул руку. Оно надо было? Летящий навстречу кулак мелькнул перед глазами, рыжий успел зажмуриться, прежде чем со всего маху припечатался к мокрому асфальту.

Секунда-две ушло на осознание ситуации, больше времени не понадобилось – двое не задумываясь о последствиях ломанулись в сторону Павла. Отступая назад, не подпуская близко, парень прямым ударом свалил одного, а через пару секунд с левой второго. Ошибка была допущена изначально – зря пожалел рыжего. На самом деле остальных тоже. За спиной раздался сухой щелчок, острая, пустившая корни где-то в правом боку боль медленно расползлась по телу. Запоздало вспомнил совет тренера: «Решил бить – бей, чтоб не встал».

Ноги подкосились, Павел невольно упал на колени. Как в замедленной съемке к груди приближалась истертая подошва кроссовка, но тело не реагировало на команды мозга. Оказавшись на земле успел подумать: «теперь все».

Новых ударов не чувствовал, только перед глазами мелькали обтянутые в спортивные штаны ноги: кажется, кто-

то порывался подойти, другой оттаскивал в сторону. Чужая воля подчинила себе тело, невидимый захватчик заставлял скрючиваться на земле, прижимая к груди колени. Лежа на боку сквозь пелену тумана, внезапно появившегося в голове, слышал немного растерянный, но громкий голос рыжего:

– Слышь, парни, я его это... Пырнул... Сваливать надо.

Вода из лужи брызнула в лицо, топот убегающих растворился в темноте сознания.

Тот же дом

– Про Вовочку с Чапаем знаешь? Спрашивает учительница Вовочку: «Кто такой Чапаев?». А тот ей отвечает: «Предводитель негров». Та вначале офигевает, а потом спрашивает, с чего мол, ты это взял. А Вовочка, слышь, а Вовочка отвечает...

– Потому что Чапай белых убивал. Ты этот анекдот третий раз рассказываешь.

– Да? Жаль, смешной же, правда? Хочешь про Штирлица расскажу?

– Слушай, отвали, пожа-а-а-луйста, достал ты меня уже. Бубнишь и бубнишь битый час, наверное.

– Может мне поговорить хочется? Ты бывало, на несколько дней в лес уйдешь, а я виси себе на стенке, да? Так и одичать недолго. Скоро совсем говорить разучусь.

– Скорей бы.

– Нет, ну вы послушайте! Ты совсем меня не ценишь! Я, между прочим, когда-то занимал почетное место: во дворце, в опочивальне у принцессы. Та бывало, проснется рано утром, потянется на кровати, потом подойдет ко мне и так ласково: «Свет мой зеркальце скажи...»

– Да, да, да. Слышали мы эти сказки. А у «братка» лысого кто над толчком висел? Сам когда-то проговорился.

– Нет, ну дернул меня черт за язык. Там ошибочка вышла. Промашка, так сказать, с кем не бывает. Сейчас всю жизнь вспоминать будешь? Зато какая фигура у принцессы была... Обалдеть можно. Жаль лицом не вышла.

Мужчина, который все это время усердно точил нож, покатился от хохота. С ближайших деревьев в страхе улетели птицы. Мужик хохотал, а зеркало продолжало:

– И, слышь, главное каждое утро: зеркальце скажи, да зеркальце скажи... Ладно я – во мне дипломатия и вежливость намертво сплелись, а будь на моем месте другое зеркало? Разбила бы нахрен после первого же ответа! Я серьезно, че ты ржешь? Вот с анекдотов не смеется, а тут ржет как, как... не знаю даже с кем сравнить. Нее-е, дурак был Дарвин. Не от обезьяны произошел человек, а от лошади. И движущей силой эволюции был не труд, а смех. Это я только сейчас, глядя на тебя понял. Заканчивай ржач, кому говорю!

Вытирая выступившие от смеха слезы, мужчина поглядывал на результат своей работы. Лезвие ножа хищно блестело

в руке. Резким движением человек загнал оружие в ножны, висевшие на поясе.

– Значит так, балагур и дипломат, слушай сюда. Я в деревню, мне к шептунье сходить надо.

– Знаем мы твое надо – самогон называется. Сам же знаешь, что не даст похмелиться, зачем тогда прешься?

– Цыц стекляшка, сам не пьешь и другим не даешь. Короче, я пошел, а ты, а ты... дом охраняй, вот что. Если что, кричи не людским голосом: ша, застыли падлы, кыш к параше, пасть порву, кислая баланда!

– Ба! Да ты у нас поэт оказывается! Вот она Русь, страна неоцененных талантов. Может, ты еще танцевать умеешь? Или степ отбивать? А крестиком вышиваешь? Эй, ну ты что – обиделся? Эй! Ну, я ж пошутил! Вот так всегда...

Мужчина быстро шел по едва заметной тропинке, изредка щурясь на солнце и все еще тихо посмеиваясь.

Подвал

Я бегу по выжженной земле,

Он тоже бежал. Вдыхая полной грудью свежий утренний воздух, изредка поглядывая в родное для него небо. Небесные дали казались ближе, чем грешная земля. А еще честнее. Светлое, недоступное, яркое, святое, холодное и отчужденное. Небо.

*Гермошлем, захлопнув на ходу.
Мой фантом стрелой белой
На распластанном крыле
С ревом набирает высоту.*

Теперь он в кабине, на месте пилота. Самолет набирает высоту, врывается в пелену облаков, оставляя за собой след тонкой белой нитью. Так он виден тем, кто остался на земле. Его может увидеть каждый, кто не поленится поднять голову. И каждый может представить, какого это – вот так лететь, как летит сейчас он.

Больше слов песни, звучавшей из угла подвала, он не слышал. Но почему-то все еще слышал музыку. Даже сквозь рев турбин.

Парень, бренчавший на гитаре, пытался вспомнить следующий куплет. Не вышло – песня закончилась толком не начавшись. Пальцы перестали задевать струны, через секунду стали слышны голоса. Кто-то до сих пор управлял самолетом.

– Эй, длинный, пускай по кругу, – голос прозвучал неожиданно громко.

– Слышь, бля! Получил свое, дай другим!

– О-о-о, да его накрыло давно, – щелкая пальцами перед стеклянными глазами, сделал вывод длинноволосый пацан. Тот, который так и не смог вспомнить куплет. Потом взял из опущенной руки косяк, ухмыльнулся и вернулся на преж-

нее место.

– Интересно, что у него на этот раз?

– В прошлый раз он говорил, что в город какой-то попал. Красивый, говорит, чистый и светлый. Мол, люди гуляют и друг другу улыбаются.

– Везучий. У меня просто башню рвет и на хи-хи пробивает. Слышь, давай ему погоняло дадим – Мечтатель? А че? Звучит! Мечтатель! Эй, все слышали, он Мечтатель теперь, – огласил бледный. Кто-то кивнул, другой что-то ответил, но из-за шума никто не услышал. Один смеялся – искренне, чисто и весело. Уставившись невидящим взглядом в желтые разводы заляпанной стены. Другой следил за приборной панелью самолета.

Он слышал рев турбин, сквозь него пробивалось слово, произносимое голосом зажёванной кассеты – Мечтатель, Мечтатель, Мечтатель. Звучало издевательски. Глаза, открытые последние несколько минут, наконец моргнули. Очень медленное и тяжелое возвращение. Так происходило всегда, только это и огорчало. Резко поднявшись с пола, неуверенно шагнул к хлипкой лестнице.

– Эй, Мечтатель ты куда? Расскажи нам, что ты видел. Может коммунизм построили? —с насмешкой крикнули в спину.

Но Мечтатель не слышал. Он шел все быстрее и быстрее, не разбирая дороги. Побежал. Побежал, неуклюже переставляя ноги, но прокуренные легкие не смогли выдержать на-

грузки. В бессильной злобе юноша встал на колени и ударил ладонями по асфальту. По лицу текли слезы. Даже у самого черствого прохожего сдавило сердце при виде этой картины. Но рядом никого не было.

Лес

Солнце светило слишком ярко, даже через закрытые веки. Рядом назойливо чирикала птичка, над головой ветер шуршал листьями.

«Я в раю? Не может быть. Я и рай? Не-ет! Тогда здесь людей на квадратный метр больше чем в Китае.»

Открыл глаза – маленькая зеленая пичужка вспорхнула из-под носа. Обилие ярких красок завораживало, над головой качал ветками могучий дуб. Солнце ослепило, заставив зажмуриться.

«Значит все это правда? Тогда, наверное, и ад существует. Впрочем, мне теперь какое дело?»

Павел хотел сесть, но тут же вскрикнул и лег обратно на траву. Вернулась боль, что мучила его недавно, но которую он начисто успел забыть.

«Если я умер, почему так больно? Нужно посмотреть, что с раной.»

Стиснув зубы, на ощупь расстегнул молнию куртки. Приподнял голову, медленно потянул вверх край байки. Замер, не зная, что делать дальше – спекшаяся кровь намертво при-

клеила майку к телу. Попытался аккуратно отодрать – в глазах резко потемнело, в бок воткнули горящую спицу. Из пореза потекла бурая кровь.

«Надо бы в больни...»

Мысли застопорились.

«Тренировка, улица, шпана, драка, боль, рыжий, пырнул, пробуждение, рай, сад... Какой к черту сад? Хотя, на сад действительно похоже. Какой к черту райский? Где я? Галлюцинации? Чересчур реалистично. Пить хочется. Надо что-то делать.»

Приподнявшись на локте Паша заметил большие ярко-красные ягоды и протянул к ним руку.

«Стоп! Вдруг ядовитые? Где сумка?»

Сумка валялась в кустах, в двух шагах от него. Стараясь не делать лишних движений Павел кое-как поднялся на ноги. В глазах поплыло, закружилась голова. Держась рукой за рану, сделал пару слабеньких шагов. Остановился, вспомнив как выбрасывал в урну пустую бутылку.

«Что там еще? Сменная одежда. Оставлю грибникам.»

Медленно покрутил головой.

«Куда идем? Или так – в какую сторону? А если вода далеко? По-любому и полкилометра не пройдешь, свалишься и сдохнешь, если никто не найдет в ближайшее время. Сидеть на месте? Какой смысл?»

Павел сделал шаг – земля улетела из-под ног.

Вода холодной, тонкой струйкой текла в рот. Парень сде-

лал первый глоток, начал нервно и быстро глотать, из-за чего в горло попадало больше воздуха, чем самой воды. Пил, пока не устал глотать. Потому и разлепил веки – перед глазами кружились знакомые ветки и чья-то рука. Снова вернулись мысли про предсмертные галлюцинации. Тем более в мозгу настойчиво звучал голос: «Пей, родной!» В воздухе перед лицом болтался кожаная фляга, которую держал в руке бородатый мужик свирепого вида. Местный житель? Хау ду ю ду, мэн? «Да уж получше чем ты» -прозвучало в Пашиной голове. Парень чуть не подавился. Услышал внутри черепной коробки: «Ты вслух-то скажи что-нибудь. Чтоб я знал на каком языке ты шпрехаешь».

– Чего? —пробормотал Павел. -Где я?

– Где? В Караганде, епта!!! – то ли всерьёз, то ли в рифму ответил «абориген». С облегчением выдохнул и радостно продолжил. – Наш значит, раз по-русски говоришь. Я уж подумал, ты последний из этих, из финнов.

Павел непонимающе пялился на мужика. Того, казалось, забавляло изумление в глазах парня.

– Чего вылупился? Я же не спрашиваю откуда ты взялся, такой красивый с лишней дыркой в туловище? Сильно болит? -спросил лохматый, тыкнув в сторону раны указательным пальцем.

– Да, -честно ответил Паша.

– Тогда незачем на своих ковылять. Эх, прокачу!!! – ловко закинул на плечо безвольное тело Павла, тот только ойкнуть

успел. Отключился, еще раз удивившись странному сну-галлюцинации. И поэтому не слышал, как «абориген» начал рассуждать вслух:

– А что? Мне все равно по пути. Ксюха сумеет на ноги поставить – так честь ей и хвала, да спасибо, да поклон до земли. Як шо ни – то как в том анекдоте: мы сделали все что смогли, но больной все равно идет на поправку. Только наоборот, – грустно хмыкнув, мужик ускорил шаги.

Двушка, не знавшая ремонта

Это будет последняя сигарета – докурит, потушит и все. Докурит сигарету, а потушит жизнь. Было бы что тушить... Он давно забыл, как это – жить, радуясь одному этому факту. Может и не знал никогда. Хотя нет, когда-то знал, даже не задаваясь подобным вопросом. В далеком детстве, где были папа и мама, друзья – такая же мелкотня, как и он. Носились, дурачились, превращая часы в минуты, махом забывая обиды и растягивая удовольствия приятных эмоций на дни, а то и недели. Счастья было так много, что не могло удержаться внутри маленького человека. Выплескивалось наружу, накрывая людей, случайно оказавшихся рядом. А потом... Смысл вспоминать плохое. Зачем вообще что-то вспоминать? Скоро все закончится. Жаль сигарета истлела, пока задумался. Может, закурить последнюю после последней? Хуже уже не будет. Молодой человек встал, медленно поднял

голову и посмотрел на потолок. Потом быстро отвел взгляд, сел на поцарапанную табуретку и снова закурил.

– Курить – здоровью вредить, – пропищал тонкий голосок.

Юноша завертел головой. Один на кухне, где даже радио нет. Но ведь кто-то это сказал?

– Кто здесь? – вопрос вырвался «на автомате». Тишина. —Есть тут кто-нибудь?

– Иль нет никого? Иль гранату бросить? Так ить, нет никого, -протараторил кто-то и захихикал. – Извини, не сдержался, – продолжил голос.

Отпрыгнув в сторону противоположной той, откуда шел звук, парень начал пятиться, пока не оказался зажатым между плитой и раковиной. Опрокинутая табуретка валялась под столом. Руки машинально начали искать что-либо тяжелое и увесистое. Нащупав ручку сковородки парень с грохотом выдернул ее из-под горы невымытой посуды и немного успокоился, пытаясь прийти в себя. В голове кружил хоровод мыслей, одна бредовой другой. Галюны? Или у самоубийц перед смертью способности особые открываются? Может тупо «коматоз» неудачный и сейчас «отходняк» в реальность будет?

– Тише, тише, тише. Успо-коооой-ся, – медленно по слогам сказал голос. – Посмотри на стену.

Взгляд юноши нервно метался по выцветшим обоям.

– Зеркало видишь? – продолжил голос. – Это я с тобой разговариваю. Не веришь? Подойди ближе.

Юноша сделал шаг, потом резко дернулся назад, перехватив ручку сковороды двумя руками.

– Да, не бойся, ё-мое. Подходи.

Парень нерешительно сдвинулся с места, ноги не хотели слушаться, но любопытство взяло верх. Какой-то инстинкт заставил остановиться, не дойдя буквально полуметра до стены. Изумленно вытаращился на зеркало, нижняя челюсть медленно опускалась вниз.

– Наклонись поближе, я тебе шёпотом секрет скажу. Ибо даже у стен есть уши, – зеркало снова хихикнуло.

Стоило юноше наклониться, как мощная, жилистая рука схватила сзади за шею и втянула за собой туда, откуда и появилась – по ту сторону зеркала. Сковорода упала на пол и ворчливо гремела еще пару секунд, пока окончательно не успокоилась.

Домик в деревне, чуть ранее

– Что скажешь, сможет или нет? Борется изо всех сил и по виду слабаком не назовешь.

– Ну шо я могу тебе сказать? Все что могла, уже сделала. Рану промыла, мазью-зеленкой помазала, портянкой неношеной перемотала. Словечки нужные пошептала, трижды через левое плечо плюнула. По деревяшке постучать или лучше потом?

– Откуда мне знать. Это ты на медицинском училась,

а здесь доучивалась. Просто жалко парня. Ты меня знаешь, если парень помрет на моих глазах, я потом на месяц запью с горя.

– Знаю, чувствительный ты наш. Нет, ну а мне шо прикажешь делать?

– Шо ты разшокалась тут? Чем помочь можно, ё-прст? Давай, думай, что можно сделать.

Шептунья задумчиво закатила глаза и начала загибать пальцы на руке.

– Можно окропить рану кровью единорога. Мигом всё должно зажить, я в книжке вычитала, – загнула один палец и продолжила. —Или прилепить к нему слизня болотного, – тут она застыла в нерешительности, не зная, загибать второй палец или нет. —Но тот если присосется и рану залечит, потом назад его не отнять – будет паренек всю оставшуюся жизнь паразита кормить.

– Хватит! – мужик, не сдержавшись, хлопнул кулаком по столу. —Поумней ничего не придумала? Рогатого резать – грех. А насчет слизня, ты что, совсем ку-ку? Хорош философствовать, говори по делу!

– Шо ты раскричался? По делу говори, по делу говори. А что по делу сказать? Хана парню будет не сегодня, так завтра. Если только к Нему за помощью не послать. Все мы под Ним ходим, никто не может – Он поможет. А нет – значит судьба у парня такая.

Мужик задумался. Крепко. Лоб насупил, кулаком голо-

ву подпер. Потом выпрямил спину и сказал тихо, будто и не вслух даже:

– Так ведь не каждый дойдет до Него. Тут сила и воля нужна. Чтоб боязни не было – вдруг дойти не сумеешь и назад вернуться не выйдет...

Снежная поляна, все тот же домик. Для кого-то чуть позже, для кого-то чуть раньше.

Снег падал огромными хлопьями, которые кружась в воздухе, плавно опускались на землю. Чистая, яркая белизна слепила глаза. Человек поднял голову в очередной попытке увидеть кусочек неба. Сверху – медленный танец снежинок, внизу – неподвижное белое покрывало. Потеряв счет времени и не ориентируясь в пространстве, человек отчетливо помнил цель тяжелого, быть может последнего пути. И догадывался, что произойдет, если не сумеет ее достичь. Значит нужно успеть. Он обязан найти Его; вопрос «как?» давно потерял смысл. Не надеется, потому что в его ситуации надежда кажется глупой, но верит, потому что вера – последняя надежда. Последний шанс, который нельзя упустить. Человек шагнул вперед.

– Блии-и-ин! Кого вы выбрали, убогие? Ради этого дрища всю энергию растратил? Вашу мать, я кроме его засранной кухоньки ничего нового не увидел! Че мне счас опять энер-

гию копить, чтоб посмотреть, что в том мире делается?!?!

– Ты поглянь, как заверещал, бедняга. Того и гляди, слезки по стеклу побегут, бе-бе-бе.

– Ша оба! А ты, патлатый, подь сюда и слушай внимательно. Потому как я по два раза, по два раза, не повторяю, не повторяю...

Слушал внимательно, хотя говорили все по очереди, перебывая и покрикивая друг на друга. Молодая женщина с украинским говором, грозного вида мужик, иногда пищало зеркало (точно говорящее!). Молчала только большая, черная собака, лежавшая в углу. Но юноша не удивился, если б и она заговорила. Чересчур глаза умные.

– Сымай сапоги, власть меняется. Не дрейфь, счас потеплее обувку-одежку дам. А ты, Оксана, харчи собирай непутевому. Сейчас выйдешь из избушки и дуй на все четыре стороны. Потому что путь к Нему тебе никто подсказать не сможет. Если дойдешь – знаешь за кого просить, объяснили, показали. Если нет... – мужик замолчал. – Нет – значит, нет.

Одно он понял из того разговора – не обязательно иметь ориентиры, чтобы добраться до цели. Главное – не забывать о ней во время пути. И упаси кого-либо принять ложную цель за истинную.

– ...куда дальше идти – сам поймешь. В твоём пути цена успеха относительна. Тебе она может и невелика, парню этому... В общем, сам понимаешь...

Понимает. Потому и делает шаг за шагом. Хотя каждый последующий дается все труднее и труднее.

– ...можешь считать – шанс твой последний. Мы ж не первого попавшего за шкурку и сюда. Тебе терять уже нечего было...

Снег забивает глаза, приходится останавливаться и вытирать руками. Двигаться с закрытыми глазами он не собирается – нет уж, хочется видеть, куда ведет следующий шаг.

– ...к Нему на своих двоих не так просто. Это тебе не как обычно происходит – брык и пожалуйста. Так что ты нас извиняй, заменили мы тебе дорожку-то...

И еще он понял – легкий выбор далеко не всегда правильный. Чем хуже дорога – тем короче путь. Да и то, что ждет нас в конце, зависит от тех дорог, которые мы выберем. Или выберут за нас.

– ...легкого пути тебе не желаем. А вот дойти вовремя – это другой разговор. Доброе дело делаешь и не для себя,

а за ради другого...

Так странно двигаться к Тому, о ком никогда не думал. Даже не задавался вопросом – есть Он на самом деле или нет? Противная мыслишка закралась в голову – до сих пор ни разу к Нему не обратился. Горечь и стыд заполнили сознание, не в силах двигаться, он упал на колени и заплакал. «...оди, прости меня» – прошептал, нервно дергая губами.

– ...ни ты первый, ни ты последний. Конечно, все разными путями идут. Кто-то доходит слишком поздно, кто-то идет, но долгой дорогой – каждому свое. Это мало что меняет – все равно всех встретит. Только, думается мне, что заговорить не с каждым захочет...

Некоторое время спустя

– Ксана! Парень в себя пришел! Давай знакомиться что ли. Тебя как звать?

– Павел...

– О-о-о, прямо как моего сослуживца, с которым в карауле стояли, земля ему пухом. Сестренка, больному пять капель можно за знакомство? Он хоть и кволый пока от болезни, но зато явно неспроста Им сюда послан...

Дальше Павел мало что помнил, не соображал толком.

Полрюмки спирта, почти силком залитые в рот («для дезинфекции» важно проаргументировал насильственные действия небритый мужик) быстро сказались на ослабленном организме, не привыкшему к алкоголю. Напрочь забыл, как задумчиво пели с повеселевшим аборигеном (который, так и не представился, что на тот момент было не важно). Быстро захмелевшая Ксения (так ласково обращался к ней мужичара после первых опрокинутых рюмок) все норовила по-сестрински поцеловать то одного, то второго, приговаривая: «Как я вас люблю ребята, я так рада, что все живы-здоровы». Говорящее (!) волшебное (!!!) зеркало устраивало конкурсы (естественно с собой в главной роли). Были и «а я много узнаю по походке» (в темных силуэтах на зеркальной поверхности быстро вычислили друг друга), и «составь веселый фоторобот» (рожи получались уголовные, игра быстро приелась), новые затеи без каких-либо названий. Веселились как дети, Павел только потом узнал причину тревог, мучивших всех, пока он тихо-мирно валялся без сознания. После такого напряжения не грех и расслабиться!

Конец пролога

Глава 1. В путь

Утро расслабиться не позволило. Еще бы – проснуться от раската грома. Оксана вылезла из-под одеяла, босые ноги коснулись холодного пола. Пошлепала к окну, поглядеть на бушующую непогоду. Новый раскат раздался громче, ближе и что самое удивительное сзади. Оксана повернулась на звук. Его источник находился в избушке. Более того – лежал на ее кровати, разбросав в стороны ноги. «От ты, черт жилистый, нельзя потише что ли храпеть» – мысленно заругалась, массируя пальцами виски. Еще раз посмотрела в окно, солнце только вставало из-за леса. Маленькая желтенькая пичуга вспорхнула с ветки и испуганно махая крыльями улетела в сторону леса. «И чего я ворчу, если у меня как в Греции – всё есть. Хоть понос, хоть золотуха – один хрен пузырек нужный найду. А захочу – тоже звукотерапию устрою. Аууууу – – уууу – -ууум затяну в нужной тональности, все как рукой снимет. Если конечно этот волшебный концерт прекратится. В одной тональности, не меняя репертуара».

Вернулась к своей лежанке, влезла в валявшиеся на табурете штаны. Побыстрей натянула на себя коричневую водолазку, зачем только вздумала в белье расхаживать, когда в хате двое мужиков. Парень спал на широкой лавке у стены, накинув на плечи черный пуховик. С кровати раздался новый раскат храпа. Вышла из комнаты, послышался плеск

воды. Вернулась с полотенцем в руках, задумчиво остановилась у порога. Небольшой деревянный стол сдвинут в угол комнаты, на его месте лежала куча одеял. По-любому мужчина «из последних сил» для нее гнездо обустроивал. Заботливые, сами даже в таком виде, умудрились спальные места найти. А нет, вспомнила, сама вчера двигала. Потому все и спят, кто куда сумел рухнуть. Подошла к зеркалу, подмигнула себе. Ну, или оно ей.

– Приветик. Проснулась, сестричка?

– Доброе утречко. Как не проснешься тут, – мотнула головой в сторону кровати. – Мертвого разбудит, сволота такая.

– Что есть, то есть. Хорошо, что мне спать не надо – так иногда только задумаюсь, замечаюсь. Загляну в самого себя на пару часиков, как говорится, ушел в себя – вернусь не скоро, – посмеялось зеркало.

Оксана наклонилась к зеркалу, внимательно разглядывая лицо. Чуть опустила голову, вздернутый носик перестал бросаться в глаза. Вытянула вперед и без того пухлые губы, повертела головой. Рука машинально поправила светлые волосы, взгляд скользнул по еле различимым веснушкам.

– Сойдет, – вынесла вслух вердикт. — Особенно после вчерашнего.

Указала на тела.

– Может спящим красавцам тоже устроить веселую побудку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.